

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.020

Возвращаясь к вопросу о дефинициях

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРОГОВИЧ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

Аннотация. В статье приведены результаты анализа законодательных и иных нормативных правовых актов, решений высших судов Российской Федерации по вопросам, касающимся законодательного определения понятий и терминов уголовно-исполнительного законодательства; поднят вопрос о важности закрепления в законе норм-дефиниций как юридико-технического приема. Особенно это касается тех сфер правового регулирования, которые затрагивают права и свободы граждан. Вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, включая и ее работников, исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, относятся к одной из таких сфер регулирования. Для устранения имеющейся неопределенности в законодательстве предложены дефиниции таких понятий, как уголовно-исполнительная система, объекты уголовно-исполнительной системы, органы, исполняющие наказания.

Ключевые слова: дефиниция; норма; правоприменение; закон; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Строгович Ю. Н., Белова С. Н. Возвращаясь к вопросу о дефинициях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 177–185. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.020.

Original article

Reviving a Question of Definitions

YURI N. STROGOVICH

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

© Строгович Ю. Н., Белова С. Н., 2023

SVETLANA N. BELOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

Abstract. The article presents results of the analysis of legislative and other regulatory legal acts, as well as decisions of the supreme courts of the Russian Federation on issues related to the legislative definition of concepts and terms of penal legislation, and raises the question of the importance of fixing norms-definitions as a legal and technical technique. This is especially true of those areas of legal regulation that affect the rights and freedoms of citizens. The issues of the activity of the Russian penal system, including its employees, execution of criminal penalties, detention of persons suspected and accused of committing crimes, belong to these areas of regulation. To eliminate the existing uncertainty in the legislation, definitions of concepts, such as a penal system, objects of the penal system, and bodies executing punishments, are proposed.

Key words: definition; norm; law enforcement; law; penal law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Strogovich Yu.N., Belova S.N. Reviving a question of definitions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 177–185. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.020.

Анализ законодательных и иных нормативных правовых актов, решений высших судов Российской Федерации позволил констатировать, что понятие «лицо, пропавшее без вести» достаточно широко используется в действующем законодательстве. В частности, это касается таких сфер регулирования, как деятельность правоохранительных органов и социальная защита граждан, включая членов семей военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем законодательное закрепление дефиниции понятия «лицо, пропавшее без вести» отсутствует.

Вопрос об объявлении гражданина, пропавшего без вести, умершим разрешается судом в соответствии с положениями ст. 45 ГК РФ и ст. 276–279 ГПК РФ.

Данные законоположения не несут в себе какой-либо неопределенности (это следует из их содержания), которая делала бы не только невозможной, но даже затрудняющей их единообразное понимание и, соответственно, применение судами. Это видно и из судебной практики. В этой связи отсутствуют основания говорить о необходимости легального (законодательного) закреплении дефиниции понятия «лицо, пропавшее без вести» в связи с его неполнотой или противоречивостью либо неоднозначным применением судами.

Данный вывод вполне согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «отсутствие легальной дефиниции того или иного понятия само по себе не может рассматриваться как вносящее в правовое регулирование неопределенность, не позволяющую субъектам соответствующих правоотношений и правоприменительным органам осознавать и единообразно применять правила поведения, установленные нормами, в которых данное понятие используется» [1].

Если же говорить в общем о целесообразности закрепления в законе норм-дефиниций как юридико-технического приема, то следует отметить, что их роль крайне важна. Особенно это касается тех сфер правового регулирования, которые затрагивают права и свободы граждан. Очевидно, что вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, включая и ее работников, исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, относятся к одной из таких сфер регулирования.

В рамках ранее изданного цикла статей, посвященных понятиям и терминам уголовно-исполнительного права, были рассмотрены вопросы об общем подходе к включению в уголовно-исполнительное законодательство определений терминов и понятий [2] и принципам этой отрасли права, уже содержащимся в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации или требующим своего законодательного закрепления [3].

В предлагаемой статье (будем считать ее возобновлением указанного цикла) внимание уделено нескольким закрепленным в уголовно-исполнительном законодательстве понятиям. При этом содержащие их законоположения (иногда это одновременно два или более федеральных законов), как правило, не дают возможности исчерпывающе и точно определить, что следует понимать под этими понятиями, хотя в большей или меньшей степени позволяют получить ответ на этот вопрос частично.

В качестве иллюстрации тезиса о том, что далеко не все термины и понятия требуют законодательного закрепления, обратим внимание на два близких понятия – «гарантии социальной защиты работников УИС» и «социальные гарантии персоналу», которые содержатся в ст. 9, 10.1, 14.1, 33.1 и 36 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 29.12.2022) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Несмотря на широкое применение этих понятий в нормативных актах различного уровня, на что уже обращали внимание исследователи [4; 5], их обобщенных дефиниций законодательство не содержит. В отдельных нормативных актах встречаются лишь перечни социальных гарантий (гарантий социальной защиты), предоставляемых отдельным категориям граждан, которые при этом и сформулированы по-разному: в виде социальных прав и правомочий, направленных на обеспечение наиболее общего (конституционного) права; в виде льгот, то есть преимуществ, дополнительных прав, предоставленных отдельным категориям граждан; в виде мер социальной поддержки, перечень которых определен для конкретных категорий получателей, и т. п. [6]. В юридической литературе также не выработано единого понимания социальных гарантий и гарантий социальной защиты.

Вместе с тем нормы, в которых содержатся эти понятия, не несут в себе какой-либо неопределенности и, следовательно, не содержат предпосылок для различного их толкования в процессе правоприменения. То есть разработка дефиниций этих и смежных с ними понятий («социальная поддержка», «меры социальной поддержки», «меры социальной помощи», «гарантии социальной поддержки») представляется необязательной. Кроме того, указанные понятия относятся к другой отрасли права (права социального обеспечения); их применение в уголовно-испол-

нительном законодательстве не требует учета специфики этой сферы правового регулирования.

Теперь перейдем к предлагаемым ниже дефинициям с пояснением того, почему предложены именно такие формулировки.

Понятие «уголовно-исполнительная система» содержится в законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (преамбула, ст. 5, 11, 24 и др.); УИК РФ (ст. 15 и др.); федеральных законах от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 7, 16 и др.) и от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (ст. 2 и др.).

Уголовно-исполнительная система – единая централизованная система, возглавляемая федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в сфере исполнения уголовных наказаний и в других установленных уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации сферах деятельности, а также иные установленные федеральными законами функции (в частности, функция в сфере образования), включающая также в свой состав:

– создаваемые по решению руководителя федерального органа уголовно-исполнительной системы подчиненные территориальные органы, осуществляющие часть его функций в соответствии с установленной компетенцией;

– создаваемые по решению Правительства Российской Федерации учреждения, исполняющие уголовные наказания (за исключением учреждений, предназначенных для исполнения уголовных наказаний в отношении военнослужащих), осуществляющие функции в сфере исполнения уголовных наказаний в соответствии с установленной компетенцией и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

– создаваемые по решению руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, следственные изоляторы – учреждения, предназначенные для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, осуществляющие свои функции в соответствии с установленной компетенцией и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

– создаваемые по решению Правительства Российской Федерации специальные подразделения – учреждения, предназначенные для осуществления медико-санитарного обеспечения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, охраны, розыска, конвоирования, оперативно-технических и поисковых мероприятий, обеспечения безопасности, выполнения задач специального назначения, осуществляющие указанные функции согласно установленной компетенции и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

– иные организации, созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в различных организационно-правовых формах (образова-

тельные организации высшего образования, научно-исследовательские организации, государственные унитарные предприятия и др.), осуществляющие функции в соответствующей сфере деятельности согласно установленной компетенции и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

– имущество, закрепленное за федеральным органом уголовно-исполнительной системы и его территориальными органами, учреждениями, исполняющими уголовные наказания, следственными изоляторами, специальными подразделениями и иными организациями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления;

– лиц, проходящих федеральную государственную службу на должностях в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы либо находящихся в их распоряжении (сотрудники уголовно-исполнительной системы и федеральные гражданские государственные служащие);

– лиц, работающих по трудовому договору в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы (рабочие и служащие).

В качестве обоснования предложенной дефиниции отметим, что определения одного из важнейших понятий уголовно-исполнительного законодательства «уголовно-исполнительная система» не содержится ни в одном из федеральных законов. Положения преамбулы, ст. 5 и других статей закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» даже во взаимосвязи друг с другом не могут считаться таковым.

В предлагаемой достаточно пространной дефиниции отражены наиболее существенные признаки, характеризующие уголовно-исполнительную систему:

– централизованный иерархический характер построения ее организационной структуры с подчиненностью нижестоящих территориальных органов вышестоящему федеральному органу уголовно-исполнительной системы, а учреждений – соответствующему органу (территориальному или федеральному);

– единство составляющих ее организационную структуру элементов, обусловленное общностью целей и решаемых задач. Федеральный орган уголовно-исполнительной системы, его территориальные органы, учреждения осуществляют свою деятельность не разрозненно и, находясь во взаимодействии и взаимозависимости, составляют единую систему;

– включение в состав уголовно-исполнительной системы обеспечивающих ее деятельность ресурсов – имущества, то есть совокупности материальных объектов (зданий, сооружений, технических средств и т. п.), финансовых средств и имущественных прав, а также работающих в ней (проходящих службу) людей.

Это позволяет рассматривать уголовно-исполнительную систему в качестве государственного института, ведающего исполнением уголовных наказаний. По форме подобные государственные институты представляют собой совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами, осуществляющих определенные законодательством государственные функции.

В дефиниции учтено некорректно сформулированное положение ч. 1 ст. 11 вышеуказанного закона об имуществе уголовно-исполнительной системы и его использовании, так как по смыслу ст. 2, 124 и 125 ГК РФ уголовно-исполнительная система,

не являющаяся юридическим лицом или органом государственной власти, не может быть участником имущественных отношений. Кроме этого, в числе составляющих организационную структуру элементов указаны специальные подразделения, не названные в ст. 5 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Содержащиеся в дефиниции формулировки основаны на нормах действующего законодательства и по возможности унифицированы. Так, в частности, использовано понятие «иные организации», созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в различных организационно-правовых формах, а не «иные учреждения», поскольку по смыслу ст. 48 ГК РФ именно организация является родовым понятием для организаций, учреждений и предприятий. Учреждения (в том числе федеральные бюджетные или федеральные казенные) и государственные унитарные предприятия (в том числе казенные) являются организациями, созданными в соответствующих организационно-правовых формах.

Обратимся к понятию «объекты уголовно-исполнительной системы», которые содержатся в ст. 12 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Объекты уголовно-исполнительной системы – материальные объекты, используемые органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы для осуществления своих полномочий и включающие:

- здания, строения, сооружения, в том числе объекты незавершенного строительства, инженерно-технические коммуникации, транспортные средства, закрепленные на праве хозяйственного ведения или оперативного управления за органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы, а также земельные участки, находящиеся в постоянном (бессрочном) пользовании указанных органов и учреждений;

- здания, строения, сооружения, транспортные средства, земельные участки, в том числе лесные участки, акватории рек, предоставленные учреждениям уголовно-исполнительной системы в пользование на определенный срок;

- принадлежащие организациям, не входящим в уголовно-исполнительную систему, производственные объекты (производственные участки, мастерские, иные помещения, участки местности и др.), на которых работают привлекаемые к труду осужденные.

Статья 12, иные положения закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не дают исчерпывающего ответа на вопрос, что именно следует понимать под объектами уголовно-исполнительной системы, хотя и содержат ряд признаков, позволяющих получить ответ частично.

Во-первых, в их число входят объекты, предназначенные для содержания и труда осужденных, которые подлежат охране специальными подразделениями ФСИН России.

Во-вторых, безопасность объектов обеспечивается специально создаваемыми для этих целей подразделениями.

Между тем, если ориентироваться только на положения ст. 12 и истолковывать их буквально, то принадлежащие уголовно-исполнительным инспекциям служебные здания (помещения) не могут считаться объектами уголовно-исполнительной

системы, так как закон, как следует из его преамбулы, определяет основы деятельности только органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Однако целый ряд статей УИК РФ (ст. 25, 26, 85, 129 и др.) и ст. 16 федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» содержат термин «объекты», подразумевающий места трудоустройства и содержания осужденных, в том числе приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Эти и другие моменты, в частности особенности привлечения к труду осужденных, содержащихся в лесных исправительных учреждениях, перевозки осужденных автомобильным и железнодорожным транспортом, привлечения их к труду на объектах организаций, не входящих в уголовно-исполнительную систему, послужили основой для предложенной дефиниции.

При этом в определение данного понятия не включены материальные объекты, временно не используемые учреждениями уголовно-исполнительной системы, но находящиеся под их надзором и контролем. В частности, речь идет об организациях, арендующих земельные участки у учреждений уголовно-исполнительной системы, здания, сооружения, помещения, находящиеся на балансе этих учреждений, являющихся при этом объектами ведомственного санитарно-эпидемиологического надзора.

Рассмотрим понятие «органы, исполняющие наказания», которое содержится в законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (преамбула ст. 2, 11, 12, 16 и др.) и УИК РФ.

Органы, исполняющие наказания, – федеральные органы государственной власти, а также органы военного управления, к компетенции которых федеральными законами отнесено исполнение уголовных наказаний соответствующих видов. К их числу в соответствии с УИК РФ относятся:

– федеральный и территориальные органы принудительного исполнения, судебные приставы-исполнители структурных подразделений которых исполняют уголовное наказание в виде штрафа (ст. 6.1 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», ст. 5 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»);

– федеральные суды, исполняющие уголовное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;

– органы военного управления в лице командования гарнизонов и воинских частей, исполняющие уголовные наказания в отношении военнослужащих в виде ареста и ограничения по военной службе соответственно (федеральный и территориальный органы принудительного исполнения, федеральные суды и органы военного управления в состав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации не входят);

– федеральный орган уголовно-исполнительной системы, осуществляющий непосредственно или через свои территориальные органы закрепленные за ним полномочия по реализации задачи исполнения остальных видов уголовных наказаний.

Анализ преамбулы закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», ст. 16 УИК РФ показывает наличие некоторой неопределенности в вопросе о том, что следует понимать под органами, исполняющими наказания.

Так, преамбула определяет основы деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и составляющих единую уголовно-исполнительную систему. Исходя из ее буквального толкования во взаимосвязи с положениями ст. 5, 7 и 8 данного закона, а также изданного во исполнение ст. 8 Указа Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 11.04.2022) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» к числу органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, относятся федеральный и территориальные органы уголовно-исполнительной системы.

Однако в ст. 16 УИК РФ «Учреждения и органы, исполняющие наказания» ни федеральный, ни территориальные органы уголовно-исполнительной системы вообще не названы, а к числу органов, исполняющих наказание, отнесены только суд, вынесший приговор о наказании в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а также органы принудительного исполнения, должностные лица которых исполняют наказание в виде штрафа. Остальные виды наказаний исполняются учреждениями уголовно-исполнительной системы, дисциплинарными воинскими частями и командованием гарнизонов и воинских частей (то есть уполномоченными должностными лицами органов военного управления гарнизонов и воинских частей).

Поэтому предложенная дефиниция служит для устранения имеющейся неопределенности. Содержащиеся в ней формулировки основаны на соответствующих нормах УИК РФ, закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314, федеральных законов «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», «Об исполнительном производстве», «Об обороне».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 08.12.2017 № 39-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.
2. Антипов А. Н., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. К вопросу об основных понятиях и терминах уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 6. С. 3–6.
3. Антипов А. Н., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. К вопросу о принципах уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 22–25.
4. Королева Я. Ю. Договор с руководителем. Что с кого спрашивать? // Руководитель бюджетной организации. 2013. № 7. С. 32–41.

5. Алексеев С. В., Мирошина М. Ю. Понятие и источники социальных гарантий лицам, завершившим профессиональную спортивную деятельность // Юридический мир. 2016. № 10. С. 58–62.
6. Серегина Л. В. Социальные гарантии в сфере занятости населения: понятие, признаки и классификация // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 73–81.

REFERENCES

1. In the case of checking the constitutionality of the provisions of articles 15, 1 064 and 1 068 of the Civil Code of the Russian Federation, Subparagraph 14 of Paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Article 54 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens of G.G. Akhmadeeva, S.I. Lysyak and A.N. Sergeev: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 39-P of December 8, 2017. In: *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 2018. No. 2. (In Russ.).
2. Antipov A.N., Pervozvanskii V.B., Strogovich Yu.N. On the issue of fundamental concepts and terms of criminal-executory law. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2014, no. 6, pp. 3–6. (In Russ.).
3. Antipov A.N., Pervozvanskii V.B., Strogovich Yu.N. Revisiting principles of the criminal and penal legislation. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2015, no. 5, pp. 22–25. (In Russ.).
4. Koroleva Ya.Yu. Contract with the head. What to ask from whom? *Rukovoditel' byudzhethnoi organizatsii = Head of a Budget Organization*, 2013, no. 7, pp. 32–41. (In Russ.).
5. Alekseev S.V., Miroshina M.Yu. The concept and sources of social protection for persons who finished professional sporting activity. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2016, no. 10, pp. 58–62. (In Russ.).
6. Seregina L.V. Social guarantees in the field of employment: concept, signs and classification. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, no. 2, pp. 73–81. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРОГОВИЧ – государственный советник юстиции 3 класса, старший научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОВА – кандидат юридических наук, начальник организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

YURII N. STROGOVICH – State Counselor of Justice of the 3rd class, Senior Researcher at the Research Center-1 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

SVETLANA N. BELOVA – Candidate of Sciences (Law), Head of the Organizational and Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

Статья поступила 04.05.2023